РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 94 (47) +94 (411.16)

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-156-164

Леонид Владимирович Курас,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: kuraslv@yandex.ru*

Лилия Владимировна Кальмина,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: kalminal@gmail.com*

«Еврейский вопрос» без прикрас: рецензия на монографию

Г. В. Костырченко «Тайная политика: от Брежнева до Горбачёва»

Фундаментальный труд доктора исторических наук Г. В. Костырченко посвящён «еврейскому вопросу» как сегменту национальной политики СССР в последние три десятилетия его существования (1960–1980-е гг.). Автор изучает еврейскую проблему в контексте общественно-политической ситуации в СССР и его политического противостояния с западным миром, показывает влияние на её решение факторов внутренней и международной политики. Монография состоит из двух частей. Первая – взгляд «снаружи»: действия партийно-бюрократической элиты в попытках найти баланс между провозглашавшимся принципом всеобщего национального равенства и предвзятым отношением к одной отдельно взятой нации, проявившимся в борьбе с «засильем» евреев в среде творческой интеллигенции. Вторая – взгляд изнутри: восприятие ситуации самим еврейским сообществом, сионистское движение как средство национального самоутверждения и еврейская эмиграция как противоречивое явление, где прагматический расчёт возобладал над идеей воссоединения народа на «исторической родине». В книге убедительно доказано, что все национальные проблемы фактически упирались в проблему либерализации советской системы. Объективность исследователя позволила Г. В. Костырченко чётко обозначить свою позицию в очень непростом вопросе. Монография изобилует документально подтверждёнными фактами, формой изложения напоминает лихо закрученный триллер. Издание привлечёт внимание не только специалистов, но и всех, кому небезразлична история нашей страны и её народа.

Ключевые слова: государственный антисемитизм, сионистское движение, еврейская эмиграция, творческая интеллигенция, этнокультурная идентичность, антисиионистская пропаганда

Leonid V. Kuras,

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia),
e-mail: kuraslv@yandex.ru*

Liliya V. Kal'mina,

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia),
e-mail: kalminal@gmail.com*

The Jewish Issue Unvarnished: Review on Monograph Secret Policy: from Brezhnev to Gorbachev by G. V. Kostyrchenko

Fundamental Doctor of Science (History) G. V. Kostyrchenko's work is devoted to the Jewish issue as the Soviet national policy segment in the course of three last decades of Soviet Union existence (the 1960s-1980s). The author studies the Jewish problem through public – political situation in the USSR and its

© Курас Л. В., Кальмина Л. В., 2019

political confrontation with the West, its influence on the inner and foreign policy's facts solution. Monograph consists of two parts. The first one – view from the outside: party-bureaucratic elite activities in attempts to determine the balance between declared general national equality principle and biased relation to the certain nation, manifested in the struggle against Jewish *domination* in the ranks of creative intelligentsia. The second one – view from inside: situation perceived by the Jewish community itself, Zionist movement as the means of national self – determination and Jewish emigration as contradictory phenomenon where pragmatic estimation dominated over the idea of people reunification in the Historical Motherland. The book definitely proves that all national problems depended in fact on the Soviet system liberalization. Researcher's objectivity gave G. V. Kostyrchenko possibility to define his position in a very complicated issue. Filled with confirmed documentary facts, reminding of a twisted plot thriller, the monograph will attract attention of not only specialists but also of all those who are not indifferent to the history of our country and its people.

Keywords: state antisemitism, zionist movement, Jewish emigration, creative intelligentsia, ethno-cultural identity, anti-Zionist propaganda

Я физик и знаю, что каждая вещь отбрасывает тень.
Тень, отбрасываемая моим народом, – антисемитизм.
А. Эйнштейн

Рецензируемая работа является завершением трилогии доктора исторических наук Г. В. Костырченко о политической истории советских евреев: первая книга – «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» [7]; вторая – «Тайная политика Хрущёва» [8].

Прежде всего, хотим отдать должное гражданскому мужеству автора, взявшего за такую, пусть уже не табуированную, но всё же щекотливую и «неудобную» тему, которая может вызвать массу вопросов, далёких от научных. Если политика И. Сталина и Н. Хрущёва – уже далёкая история, то события эпохи от Л. Брежнева до М. Горбачёва свежи в памяти. Ещё живы объекты и субъекты их «еврейской» политики, готовые либо согласиться с каждым словом, либо же вступить в спор. Автору удалось встать «над схваткой», что позволило беспристрастно передать настроения полярных сегментов советского общества: партийно-бюрократической верхушки и творческой интеллигенции. По причине пресловутого «пятого пункта» это не получилось бы у авторов рецензии – невозможно устоять перед искушением привнесения каких-то личных эмоций. Не будем преувеличивать их силу и степень собственной информированности – мы практически не ощутили прессинга, которому подверглись представители еврейской интеллигенции, и не почувствовали поддержки международных организаций, поставивших своей целью защиту прав евреев в СССР. Атмосфера военного городка, где прошли наши детство и юность, отличалась аскетическим бытом и настроениями, далёкими от царивших в столичных творческих кругах. Но вопросы вроде, почему исчезли из эфира Л. Мондрус и Э. Горовец, и смутные предположения об истинных причинах их внезапного забвения после нескольких лет бешеной

популярности, конечно, носились в воздухе и неизбежно накладывали отпечаток на собственное мировосприятие.

При анализе работы Г. В. Костырченко следует отметить два момента. Во-первых, исследуя болевые точки «еврейского вопроса», автор совершенно справедливо рассматривает его применительно лишь к интеллигенции. Во-вторых, феномен «социального и аппаратного антисемитизма» он смог оценить через призму личностей конкретных политических деятелей и институтов, а многие публичные фигуры, бывшие у всех на слуху со школьной скамьи, «испытал» национальным вопросом. (Заметим: многие признанные классики литературы и искусства испытания не выдержали).

Евреи не случайно стали предметом постоянного пристального внимания власти: в её глазах они изначально были неблагонядёжным элементом, низкопоклонствующим перед Западом, и скрытыми (или явными) приверженцами международного сионизма. Несогласие с режимом, инакомыслие, эмиграция объяснялась, по выражению автора, «просто и без затей»: «Еврей». Образ «правильного еврея» выводился исключительно во избежание обвинений в антисемитизме, хотя тут же следовала оговорка о недопустимости «неумеренной положительности» отдельного представителя еврейской нации, поскольку это «может привести к разжиганию межнациональных страстей» [5, с. 434]. Высокая концентрация евреев в сфере науки, литературы и искусства была провоцирующим моментом [Там же, с. 439–440].

Начальным звеном связки «Власть – Еврейский вопрос – Интеллигенция» стало дело Синявского – Даниэля как следствие подковёрной борьбы неосталинистов и либералов в высшем руководстве страны.

Дело это, по мнению автора, действительно, уникально и во многом показательно для истории Советского государства второй половины XX века. По сути, это первый со времён 1930-х годов политический процесс, положивший начало инакомыслию и диссидентству. Дело Синявского – Даниэля закончилось моральной победой, хотя в то же время ознаменовало свёртывание демократического процесса, начавшегося после XX съезда партии [5, с. 55]. Однако, на наш взгляд, в этом деле центральное звено – «еврейский вопрос» – проявляется опосредованно или выпадает вовсе. Этому во многом способствовала профессиональная работа спецслужб, направленная на разобщение и частичную дискредитацию диссидентства, где национальный аспект не только не выделялся, но и лишним раз не упоминался.

Оценив политику Брежнева как «ограниченную ресталинизацию» [Там же, с. 423], автор первую главу монографии назвал «Искушение сталинизмом». В ней показано формирование нового 5-го управления КГБ под руководством генерала Ф. Бобкова и его борьба с диссидентством, поддерживаемым западными спецслужбами; раскрывается роль и место академика А. Сахарова, ставшего «идейным лидером прозападных либеральных диссидентов в СССР» [Там же, с. 61]; анализируется феномен самиздата. Важный сегмент главы составляет деятельность КГБ по борьбе с сионизмом, который автор рассматривает не как самостоятельное явление, а как следствие обострения «кризиса официального марксизма-ленинизма, порождённого разоблачением культа личности» [Там же, с. 78], что, в свою очередь, привело к «спонтанной общественной ревизии советского прошлого» [Там же, с. 85].

После «подавления Пражской весны», подчёркивает Г. Костырченко, историческая наука подверглась «организационно-идеологической зачистке» [Там же, с. 90], жертвой которой стал, прежде всего, журнал «История СССР», начавший в 1967 году публикацию мемуаров В. В. Шульгина – известного правомонархического лидера, принимавшего отречение Николая II. Сеем предположить, что острие атаки было направлено именно против исторической науки, а мемуары стали не более чем поводом. Достаточно сказать, что в 1972–1973 годах на страницах журнала «Звезда» была опубликована прорывная работа М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» [2], в 1978 году вышедшая в книжном вари-

анте [3]. В основу работы были положены материалы личных встреч исследователя с В. Шульгиным, но при этом никаких оргвыводов в отношении М. Касвинова не последовало. Скорее всего, это было обусловлено тем, что, по оценке Г. Костырченко, «к тому времени уже давно было покончено с упомянутым “новым направлением” в советской исторической науке» [5, с. 106], а «идеологический вакуум стремительно заполнялся разнородной оппозиционно-политизированной идейностью» [Там же, с. 120].

Исследователь справедливо отмечает, что идеологическая борьба внутри страны была лишь преамбулой борьбы последующей, которая наиболее ярко проявилась в литературной среде, дифференцируясь по трем направлениям и соответственно концентрируясь вокруг редакций литературных журналов: либерально-западническому («Новый мир», «Юность», «Звезда»); русско-почвенному («Молодая гвардия») и консервативно-сталинистскому («Октябрь», «Звезда», «Огонёк») [Там же, с. 120, 121]. (Последняя существенно расширилась за счёт журналов «Наш современник», «Роман-газета», еженедельника «Литературная Россия», столичных издательств «Молодая гвардия», «Современник», «Советская Россия», «Воениздат» и зачастую смыкалась со сталинистами, в том числе и на почве антисемитизма) [Там же, с. 122].

Не менее, а, пожалуй, более остро, чем еврейский вопрос, стоял вопрос русский. Государствообразующая нация оказалась в числе запретных тем, а само слово «русский» приобрело негативный оттенок. Причина крылась в возникновении самого опасного явления в общественной жизни СССР – так называемой Русской партии (РП), суть которой автор определил как «литературно-историографическое понятие для условного обозначения общественно-политических группировок и интеллектуальных общностей, идейно исповедовавших и политически отстаивавших приоритет этнонациональных интересов государствообразующего народа России» [Там же, с. 123]. Её опасность прекрасно понимали руководители Советского государства [Там же, с. 124]: РП, действуя через ВООПИК, стала оплотом антисемитизма, а её манифестом – роман В. Чивилихина «Память» [Там же, с. 138]. Она была опасна уже тем, что в качестве знамени и рупора активно использовала имя Нобелевского лауреата М. Шолохова. И лишь застарелый конфликт писателя с главным идеологом

КПСС М. Суловым помешал дальнейшему развитию процесса. Тем не менее, деятельность РП принесла свои плоды. Автор исследования приводит уникальный документ – записку созданной по предложению М. Шолохова комиссии Секретариата ЦК КПСС от 5 июня 1978 г., где авторов журналов «Новый мир» и «Октябрь» за период 1976–1978 годов ранжируют не по качеству написанного и его оценке читателями и литературной критикой, а по национальному признаку [5, с. 145].

«Национальная раскадровка» в журнальных публикациях (и в учреждениях культуры) стала инструментом, который всегда был «под рукой» в зависимости от поставленных целей: доказать либо «засилье» евреев в культурных организациях, либо отсутствие факта их притеснения по пятому пункту. Но, пожалуй, апогеем в еврейском вопросе стал поиск еврейских корней у основателя Советского государства [Там же, с. 200–206]. Все, кого интересовала родословная вождя революции, лишились работы, а сама попытка её исследования сопровождалась гениальной по своему идиотизму фразой одного из функционеров Ленинградского обкома КПСС: «Мы вам не позволим позорить Ленина!» [Там же, с. 203].

«В условиях спонтанной идейной дифференциации, происходившей в среде творческой интеллигенции между либералами, сталинистами и национал-почвенниками, верхи предпочитали находиться над схваткой» [Там же, с. 146]. Однако после «Пражской весны» началось фронтальное наступление на либерализм по всему фронту: разгром возглавляемой А. Твардовским редколлегии «Нового мира» [Там же, с. 146–155]; вынужденная эмиграция из страны А. Галича, А. Солженицына, М. Ростроповича, Г. Вишневской, Л. Копелева, Г. Владимирова, В. Войновича, Е. Эткинда, В. Аксенова [Там же, с. 155–162]; тотальная цензура; публикация в центральных изданиях произведений антисемитской направленности; критика произведений М. Шатрова и И. Эренбурга, что, по сути, превратилось в попытку цеховского укрощения строптивых либералов. Здесь кроется загадка, которую даже не пытались разгадать многие поколения обществоведов.

Л. Брежнев обладал колоссальной властью, превосходившей власть Государя императора, и всю подковёрную борьбу на идеологической почве, периодически переходящую в открытую конфронтацию, мог подрубить на корню одним движением знаменитых бровей. Г. Костырченко эту загад-

ку разгадал. Давая характеристику исполняющему обязанности заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, будущему «отцу гласности» А. Яковлеву, пытавшемуся противостоять РП, он подчёркивает: А. Яковлев «не понял в Брежневе главного: то, что тот, дорвавшись до лидерства в огромной и обременённой множеством серьёзных проблем стране, отнюдь не горел желанием их решать» [Там же, с. 176]. Такое отношение вполне соответствовало корпоративной партийной этике, суть которой в своих воспоминаниях изложил заместитель заведующего Отделом пропаганды Н. Ненашев: любые попытки партаппаратчика «выразить своё особое мнение» встречали «неприятие, затем «осуждение», после чего следовало «отлучение» [Там же, с. 177].

Особенностью страны Советов было то, что идеология фактически стала её фундаментом, и потому роль Госкомитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, который был не только рупором КПСС, но и формировал массовое сознание трудящихся, была колоссальной. Неслучайно автор монографии уделяет пристальное внимание председателю Гостелерадио С. Лапину, бывшему «властителем дум» советского общества [Там же, с. 407–422]. Представляет интерес характеристика исследователя личности председателя с точки зрения его отношения к еврейскому вопросу: «Антисемитизм этого высокопоставленного чиновника не был личностным и тем более бытовым, а носил ярко выраженный политический характер, производный от соответствующего официального курса, сформировавшегося еще при “позднем” Сталине» [Там же, с. 410]. Его раздвоенное сознание напоминало известный анекдот времён Агитпропа: «У меня есть мнение, но я с ним не согласен».

На основе блестящего эмпирического материала автор справедливо делает вывод о том, что «Лапин – ТВ» не просто вытолкнул за пределы страны многих деятелей культуры еврейского происхождения (М. Александрович, В. Мулерман, Л. Мондрус, С. Крамаров, Э. Горовец, А. Ведищева, Э. Рознер, Б. Гольдштейн), а, запрограммировав массовое сознание на борьбу с сионизмом, нанёс колоссальный вред всей советской культуре [Там же, с. 409, 415]. Однако любившие пересчитывать евреев по головам (и Лапин в первую очередь) действовали не по велению души, а «в рамках единой контролируемой ЦК КПСС пропагандистской системы» [Там же, с. 424]. Это в полной мере проявилось

и в киноиндустрии (М. Калик, А. Аскольдов, Э. Севела, Г. Полока). Но, пожалуй, наиболее выпукло антисемитизм показал себя в науке и образовании.

Вспоминается сюжет из воспоминаний крупнейшего российского монголоведа М. И. Гольмана, который в 1944 году поступал в Московский институт востоковедения на индийское отделение: «Сдав на отлично все вступительные экзамены, я с удивлением увидел свою фамилию в списке зачисленных... на монгольское отделение. Свою роль, видимо, сыграли пресловутая процентная норма и нехороший “пятый пункт” моей биографии» [1, с. 6]. Резкое сокращение числа студентов-евреев, начиная с 1970 года, автор исследования напрямую связывает с «усилением политики официального антисемитизма», отправной точкой которого стала борьба с «безродным космополитизмом», приведшим к запрету на профессии, связанным с национальной безопасностью [5, с. 442]. Наиболее драматично события развивались в математической сфере, где начались настоящие гонения на учёных еврейского происхождения: был установлен заслон для их для публикаций в «Математическом сборнике», а ВАК стал массово отклонять диссертации, подготовленные евреями-математиками [Там же, с. 450, 451]. В самиздате эта политика получила название «интеллектуального геноцида» [Там же, с. 463].

Парадоксально, но желание Л. И. Брежнева поддержать еврейскую культуру натолкнулось на «антисемитские нравы» аппарата ЦК КПСС и постоянно усиливавшуюся «официальную антисемитскую пропаганду». Исследователь указывает на наличие неофициального списка евреев, работавших в аппарате ЦК партии [Там же, с. 300], хотя Л. Брежнев покровительствовал артистам Л. Утёсову, М. Бернесу, а особенно А. Райкину и Г. Хазанову. Тем не менее, именно тогда началась «кадровая селекция», которую учёный раскрывает на примере 300 служивших евреев-генералов (адмиралов), когда начало действовать правило трёх «не»: «не принимать, не увольнять, не повышать» [Там же, с. 316], в результате чего к началу 1990-х годов в армии не осталось генералов еврейского происхождения [Там же, с. 317]. «Волею истории Брежнев унаследовал от Хрущёва такую систему государственного управления, – с оттенком фатализма пишет автор, – которая пусть и обеспечивала вплоть до середины 1970-х годов поступательное

развитие страны, но, будучи поражённой различными идейно-политическими и социально-экономическими пороками, в том числе и таким серьёзным, как аппаратный антисемитизм, уже несла на себе явную печать обречённости» [Там же, с. 295]. В отличие от философского течения, утверждающего, что каждое действие неизбежно детерминировано судьбой, фатализм Г. Костырченко основан на фактическом материале, впервые введённом в научный оборот.

Особенно обращают на себя внимание следующие выводы автора: «Современная антисемитская кампания в Советском Союзе не имеет никакого отношения к евреям» [Там же, с. 467]. Это было лишь формой борьбы за власть, хотя антисемитизм имел мощную идеологическую подпорку в виде поставленного на поток выпуска экстремистской, по сути антииудаистской, литературы [Там же, с. 469]. Особую активность в этом проявила Украина, обстановка в которой, на наш взгляд, напоминала Россию начала XX века.

Большая заслуга автора монографии в том, что он рассматривает весь спектр «межнациональных трений в СССР», где еврейский вопрос был лишь сегментом советской национальной политики [Там же, с. 240–247]. Исследователь совершенно справедливо выделил причину всех её неудач: «В отличие от большинства стран мира» Кремль «застарело воспринимал нацию не в качестве политической категории, а как исключительно этнокультурное понятие», так и не решившись выйти за рамки Программы КПСС, принятой в 1961 году на XXII съезде партии [Там же, с. 247]. Недальновидная национальная политика вылилась в противостояние в профессиональном литературном сообществе. Оно проявилось в частности на состоявшемся 21 декабря 1977 года в ЦДЛ массовом диспуте «Классика и мы», когда «русскопартийные» литераторы во главе с С. Куняевым попытались дать бой «космополитствующим» писателям, как правило, еврейского происхождения. Дискуссия изначально утратила литературный характер и вылилась в антисемитский шабаш [Там же, с. 263–264]. В дальнейшем весь свой пыл С. Куняев направил на альманах «Метрополь» – продукт уникального для Советского Союза неподцензурного литературно-общественного проекта, участниками которого были «властители дум» В. Аксенов, Б. Ахмадулина, А. Битов, А. Вознесенский, Ф. Искандер, С. Липкин, В. Ерофеев. Во всей этой околосредовой возне, по

мнению автора монографии, «явно торчали антисемитские уши» [5, с. 266–270].

Обстоятельный анализ «национальной политики партии и государства» по отношению к евреям СССР позволил исследователю сделать нелицеприятный вывод: антисемитизм в Советском государстве был «властным» и «носил по преимуществу не этнокультурный, а политический характер». А «главными его проводниками ещё со времён Сталина были высшие советские партийно-государственные управленческие инстанции» [Там же, с. 324]. «Советская антисиионистская пропаганда», в значительной мере проводившаяся силами самих евреев, по мнению автора, в научном плане мало уступала западной сионистской [Там же, с. 511]. Достаточно отметить, что к критике сионизма подключились ведущие академические гуманитарные институты, входившие в систему АН СССР, и главная газеты страны «Правда». По сути, подчёркивает исследователь, антисиионистская пропаганда становится приоритетной государственной задачей [Там же, с. 511–514].

Вторая часть монографии в значительной степени посвящена еврейскому «зазеркалью». В условиях дефицита литературы о жизни евреев в советское время (мы не имеем в виду публицистические материалы о сионизме и его пособниках и «тяжёлой участи» еврейских эмигрантов на исторической родине) Г. Костырченко обстоятельно показывает «внутреннюю» жизнь «народа-невидимки», как в своё время охарактеризовал его один из авторов рецензии [9, с. 111]. Он, как может показаться, есть, но упоминание его всеуе считается дурным тоном.

Особенностью этнокультурного самоопределения евреев исследователь называет интенсивную ассимиляцию, обусловленную «высоким уровнем урбанизации советских евреев, постоянно растущими показателями их языкового обрусения и заключения смешанных браков», и фактором антисемитизма, так и не преодоленного после Сталина [6, с. 17, 18]. «В то же время, – отмечает автор, – в начале 1960-х годов начинается возвращение евреев к национальным корням, существенно расходящееся с “ассимиляционной стратегией”». Опираясь на мнение писателя Л. Копелева, исследователь сделал попытку выделить еврейские этносоциальные группы: «1) сторонники эмиграционного движения, к чему их привёл “административный рок”; 2) евреи как особая национальность, чьей Родиной является Советский Союз; 3) евреи, говорящие на двух (трёх) языках и живущие

в двух национальных атмосферах; 4) евреи только по паспорту» [6, с. 21–22].

Особенно интересно противопоставление групп, породивших два противоположных явления. Первое – феномен фактического отказа от этничности. Но в отличие от евреев Российской империи, отказывавшихся от религии своих предков для получения равных со всеми прав, мотивом отказа, по признанию известной диссидентки Л. Богораз, служило реальное самоощущение, близость русской духовной культуры и «чуждость» культуры далёкого во всех отношениях Израиля [Там же, с. 18–19]. Другое явление – всеобщее непризнание права евреев на родину, язык и фактическую национальную принадлежность. Стремление возвращения к национальным корням, возможное только за пределами СССР, собственно, и стало первоначальной причиной еврейской эмиграции [Там же, с. 21], которая, в свою очередь, усилила бытовой антисемитизм. Известный писатель и публицист Ю. Поляков в одном из своих последних произведений, живописующем нравы писательской среды, иронично пишет: «В СССР воинствующего антисемитизма не было и в помине. Наблюдалось, правда, некое раздражение оседлого большинства по поводу неусидчивого меньшинства, имевшего в отличие от остальных сразу два Отечества, к тому же для них путь на жаркую историческую родину лежал теперь не через Воркуту, а через Вену» [10, с. 389–390]. Слабеющая власть перестала быть гарантом общественной безопасности [6, с. 413–414]. На смену погибшему дракону пришло много маленьких злобных дракончиков, которые путали свободу с вседозволенностью. Евреи на генетическом уровне ощутили опасность, которая когда-то угрожала их предкам. Появился феномен антисемитофобии, который, по выражению социолога Д. Фурмана, стал основой психологии и ценностных ориентаций евреев, что было мастерски использовано приверженцами идеи всеобщей эмиграции в Израиль [Там же, с. 415].

Глава «Эмиграция на глобальном фоне» анализирует общеисторический фон в рассмотрении «еврейского вопроса» в СССР – прежде всего, отношения СССР и Израиля, которые определялись положением советских евреев. Керосина в костер «массового еврейского исхода» из СССР плеснули два события. Первое – неожиданная для СССР победа Израиля в Шестидневной войне, что привело к необратимому «конфликту Кремля с собственным еврейством», вылившемуся в «негласные административные огра-

ничения в отношении евреев (образование, работа)» и усилению антисиионистской пропаганды [6, с. 73]. Второе – война Судного дня [Там же, с. 103–110], приведшая к серьёзному ослаблению позиций СССР на Ближнем Востоке и разрыву отношений с Израилем. Здесь начинается история, которая массовому читателю стала известна лишь в начале 2000-х годов [11]. Г. Костырченко подробно описывает тайную миссию Е. Примакова по сближению СССР и Израиля [6, с. 100–117]. Но фактически, по мнению исследователя, десятилетиями решение «еврейской проблемы» вертелось в зависимости от ответа на вопрос: способно ли «новое советское руководство сколько-нибудь существенно либерализовать эмиграцию» [Там же, с. 118]. (Автор подчёркивает, что это не было сугубо еврейской проблемой, ибо она касалась и других национальных меньшинств). Либерализацию еврейской эмиграции исследователь справедливо связывает с именем Л. Брежнева в стремлении к сближению с США, пошедшему на отмену «образовательного налога» для выезжающих из страны евреев с высшим образованием и учёной степенью [6, с. 122–128]. Фактически «еврейский вопрос» в советско-американском противостоянии был не более чем разменной монетой: в зависимости от отношений с западом власть в СССР то облегчала, то ужесточала выезд евреев из страны. Г. Костырченко оценивает еврейский вопрос как инструмент давления СССР на США, хотя, на наш взгляд, инструмент был обоюдоострым [Там же, с. 436].

Нам хотелось бы остановиться на важной особенности еврейской эмиграции, на которой акцентирует внимание автор исследования. С конца 1960-х до середины 1970-х годов наибольшую заинтересованность в ней проявили те этнические слои, которые в наименьшей степени подверглись ассимиляции и по максимуму сохранили приверженность этнокультурному традиционализму – евреи Грузии, Дагестана и Средней Азии. Евреи Москвы, Ленинграда, других городов предпочли американско-канадское направление [Там же, с. 151–152]. Тенденция выезда в развитые страны запада в дальнейшем только усилилась. Освящённая поначалу идеей воссоединения евреев на «исторической родине», еврейская эмиграция впоследствии сменилась прагматическим стремлением «попасть в самую экономически развитую, богатую, комфортную и безопасную западную страну» – Соединённые Штаты [Там же, с. 170].

Еврейскую эмиграцию автор оценивает не как явление этнонациональное, а как социально-политическое, «следствие универсальной деградации страны» [Там же, с. 437]. Несомненный интерес представляют реэмигранты, которые, «не найдя в себе сил для кардинальной внутренней перестройки и приспособления к жизни в новой стране, ностальгически стремились обратно в СССР, надеясь обрести в привычных условиях то прежнее относительное благополучие и душевное равновесие, которые они там раньше имели» [Там же, с. 183–185]. Этот феномен уже стал предметом специального исследования [4].

Интересен сюжет о сионистском движении, имевшем внешнюю и внутреннюю причины, которые стали его отправной точкой. Внешней причиной автор справедливо считает Шестидневную войну, породившую «у советских евреев, в массе своей почти полностью ассимилированных, прилив как национального самосознания, так и негативных психологических переживаний, порождённых тогдашним всплеском антиизраилизма и антисемитизма» («Магия 1967-го») [6, с. 187]. В качестве внутренней причины исследователь определяет глубокий идеологический кризис, поразивший советское общество, что особенно выпукло проявилось «как среди образованных русских (Русская партия), так и еще больше в интеллигентских слоях нацменьшинств» [Там же, с. 191]. Особенности этого движения, подчёркивает Г. Костырченко, стали отказники, возникновение сам- и тамиздата и «Ленинградское самолетное дело» как первая в СССР попытка угона пассажирского самолёта [Там же, с. 191–208]. Это, в свою очередь, породило антисиионистские процессы 1970-х годов в Ленинграде, Риге, Кишиневе, Свердловске и Одессе [Там же, с. 208–212], публичные протестные акции с привлечением западных СМИ [Там же, с. 212–214]; появление «культурников», готовивших советских евреев к эмиграции и трансформировавшихся в период перестройки в «общинников» с целью «воссоздавать в стремительно обновлявшейся тогда России еврейскую культурно-национальную автономию» [Там же, с. 216–217]. Автор отмечает ещё две группы: антиподов «культурников» – «политиков», выступавших за еврейскую эмиграцию в чистом виде, поскольку считали «сионистское культуртрегерство не только бесплодным в жёстких советских условиях, но и бесполезным и ненужным» [Там же, с. 218–219], и «хунвейбинов» – радикально настроенных

евреев. Хотя именно последние провоцировали власти на ускоренную выдачу разрешений на выезд, в их среде появились негласные информаторы, чьими услугами пользовался КГБ [6, с. 227–250]. В этом сюжете, на наш взгляд, имеется и этическая сторона, на которую Г. Костырченко следовало обратить внимание. Когда-то, на закате перестройки, один из авторов рецензии работал в архиве КГБ с документами репрессированных (фигурировали имена наиболее ретивых сотрудников и информаторов), которые очень хотелось сделать достоянием гласности. Но сотрудники доходчиво объяснили, что у агентов КГБ есть дети и внуки, которым придется жить дальше с клеймом сына/внука садиста или доносчика...

«Великий раскол» в еврейском движении, как следует из выводов автора, – это результат не столько оперативных мероприятий госбезопасности, сколько противоречий в среде отказников, вызванных конкурентной борьбой за доминирование в её верхнем слое [Там же, с. 220]. В целом репрессивные меры, против еврейского движения, по мнению автора, не были результативными: репрессии «вместо страха и разобщенности» внесли в его ряды «консолидацию и сплочённость» [Там же, с. 256].

Заключительная глава монографии «Перестроечный закат СССР» начинается с характеристики политики М. С. Горбачёва, изначально попавшего под жёсткий «американо-сионистский прессинг», что было вызвано пониманием нового руководства страны необходимости развития

советско-американских отношений и реформирования советской политической системы. Это позволило снять проблему политических заключённых в СССР, включая и осуждённых еврейских националистов [Там же, с. 278]. «Фактически, – делает вывод автор, – для сионистов произошёл... победный перелом в многолетней упорной борьбе с советским государством, которое, вынужденно пойдя на практически полную свободу еврейской эмиграции, тоже... выиграло, обеспечив решение векового вопроса» [Там же, с. 284]. Результатом этой политики стало восстановление дипломатических отношений с Израилем.

Завершить анализ блестящего многолетнего труда Г. Костырченко, который убедительно доказал, что в рассматриваемый период существовал государственный антисемитизм, хочется дневниковой записью прекрасного советского поэта еврейского происхождения Д. Самойлова, которую цитирует автор: «В современной российской мракобесной мысли, которая воистину завладела массами, антисемитизм играет непомерно большую роль» [5, с. 365]. Тот факт, что родившийся при Сталине государственный антисемитизм, мутируя, продолжает благополучно существовать и сегодня как «антисемитизм общественный», не является секретом, хотя проблема выезда российских евреев теперь вовсе отсутствует. Как далеко он пойдёт в современной России и сможет ли руководство страны сорвать эти оковы прошлого, чтобы воцарилась «Эра милосердия», покажет время...

Рецензия подготовлена Л. В. Курасом в рамках научного проекта XII.191.1.2. «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4; Л. В. Кальминой – в рамках научного проекта XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9

Список литературы

1. Гольман М. И. Монголия глазами монголоведа (60–70-е годы XX века) / отв. ред. К. В. Орлова. М.: ИВ РАН, 2019. 285 с.
2. Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз // Звезда. 1972. № 8 -9; 1973. № 7–10.
3. Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1978. 233 с.
4. Каштанюк В. А. Социокультурная адаптация евреев Еврейской автономной области в Израиле и их реэмиграция на рубеже XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Улан-Удэ, 2012. 21 с.
5. Костырченко Г. В. Тайная политика: от Брежнева до Горбачёва: в 2 ч. Ч. 1. Власть – Еврейский вопрос – Интеллигенция. М.: Международные отношения, 2019. 592 с.
6. Костырченко Г. В. Тайная политика: от Брежнева до Горбачёва: в 2 ч. Ч. 2. Советские евреи: выбор будущего. М.: Международные отношения, 2019. 480 с.
7. Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003. 784 с.
8. Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущёва. М.: Международные отношения, 2012. 522 с.
9. Курас Л. В. Есть ли будущее у российского еврейства? // Сибирский еврейский сборник. Иркутск: АРКОМ, 1992. № 1. С. 103–112.
10. Поляков Ю. Весёлая жизнь, или секс в СССР. М.: АСТ, 2019. 576 с.

11. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: ТПП РФ; Российская газета, 2016. 608 с.

Статья поступила в редакцию 24.09.2019; принята к публикации 20.10.2019

Сведения об авторах

Курас Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: kuraslv@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4507-249X.

Кальмина Лилия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: kalminal@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8577-2496.

Библиографическое описание статьи

Курас Л. В., Кальмина Л. В. «Еврейский вопрос» без прикрас: рецензия на монографию Г. В. Костырченко «Тайная политика: от Брежнева до Горбачёва» // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 156–164. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-156-164.

The review was prepared by L. V. Kuras in the framework of the state task, project XII.191.1.2 "Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, no. AAAA17-117021310264-4; L. V. Kal'mina – within the framework of the state task (project XII.191.1.1 "Transborder Russia, Mongolia and China: history, culture, modern society", state registration no. AAAAA-A17-117021310269-9

References

12. Gol'man, M. I. Mongolia through the eyes of the Mongol scholar (the 1960s-70s). M: IV RAN, 2019. (In Rus.)
13. Kasvinov, M. K. Twenty-three steps down. Star. no. 8–9, 1972; no. 7–10, 1973. (In Rus.)
14. Kasvinov, M. K. Twenty-three steps down. M: Mysl', 1978. (In Rus.)
15. Kashtanyuk, V. A. Socio-cultural adaptation of Jews of the Jewish Autonomous region in Israel and their re-emigration at the turn of the XX–XXI century. Cand. sci. diss. abstr. Ulan-Ude, 2012. (In Rus.)
16. Kostyrchenko, G. V. Secret politics: from Brezhnev to Gorbachev»: in 2 p. P 1. Power-the Jewish question-the Intelligentsia. M: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. (In Rus.)
17. Kostyrchenko, G. V. Secret policy: From Brezhnev to Gorbachev in 2 parts. P. II. Soviet Jews: choosing the future. M: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. (In Rus.)
18. Kostyrchenko, G. V. Stalin's secret policy. Power and anti-Semitism. M: Izd. dom "Mezhdunarodnye otnosheniya", 2003. (In Rus.)
19. Kostyrchenko, G. V. Khrushchev's secret policy. M: Izd. dom "Mezhdunarodnye otnosheniya", 2012. (In Rus.)
20. Kuras, L. V. Is there a future for Russian Jewry? Siberian Jewish collection, pp. 103–112, no. 1, 1992. (In Rus.)
21. Polyakov Yu. Fun life, or sex in the USSR. V: izd-vo AST, 2019. (In Rus.)
22. Primakov, E. M. Confidential: the Middle East on stage and behind the scenes (second half of the XXth – beginning of the XXIst century). (In Rus.)

Received: 24 September 2019; accepted for publication October 20, 2019

Information about authors

Kuras Leonid V., Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: kuraslv@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4507-249X.

Kal'mina Liliya V., Doctor of History, Associate Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: kalminal@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8577-2496.

Reference to the article

Kuras L. V., Kal'mina L. V. The Jewish Issue Unvarnished: Review on Monograph Secret Policy: from Brezhnev to Gorbachev by G. V. Kostyrchenko // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 6. PP. 156–164. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-156-164.